

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Живодер

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Живодер / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 56 с.

ISBN 978-5-519-99174-2

ISBN 978-5-519-99174-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИВОДЕРЪ.

(ПОВѢСТЬ).

I.

Корней Чуксинъ только-что подсчиталъ итоги сегодняшняго дня и собирался уже запереть лавченку съ покривившейся вывѣской «продажа и покупка всевозможныхъ вещей», какъ на ея порогъ показалась женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

— Поздно, сударыня! Девять часовъ, — покосилъ онъ на нее изъ-за стойки.

— Да вѣдь отперто еще.... — неувѣренно остановилась она передъ нимъ.

— Мало что... Сейчасъ запираю... Вамъ что?.

— Заложить, вотъ,—да за старое проценты внести, иначе пропадутъ мои вещи.

— До послѣдняго дня держите! — еще недовольнѣе ворчалъ онъ. — Не могли раньше? Кажется, знаете сами.

— Дѣлать-то нечего. Все надѣялась до сегодняшняго вечера, что деньги мнѣ отдадутъ... Ходила, кланялась... А пришлось, вмѣсто того, опять въ закладъ тащить къ вамъ...

И вдругъ, совершенно неожиданно для Чуксина, она опустилась на скамью и заплакала. Тотъ даже и глазъ на нее не вскинулъ. Барабани пальцами по стойкѣ, онъ ждалъ, чѣмъ это кончится, и самъ рассчитывалъ, что сегодняшній день принесъ ему шестьдесятъ два рубля чистыхъ да невыкупленныхъ вещей осталось у него на двѣсти. Все на этомъ тоже набѣжить барыша почти половина. Счастливый денекъ, удачливый! Кабы все такъ — чудесно можно было бы повести дѣла. Правда, жида рядомъ отбиваютъ у него кліентовъ, — гласныя кассы ссудъ пооткрывали; но онъ, Чуксинъ, дастъ больше и бѣд-

ный людъ къ нему идетъ охотнѣе. Опять же и ждеть онъ выкупа заложенныхъ вещей дольше, чѣмъ они. Слава Богу, торговать еще можно! Вотъ, коли-бъ баринъ изъ Мочаловскаго дома не выкупилъ брошки да браслета, что заложилъ полтора мѣсяца назадъ, тогда Корней Савичъ на приходъ, пожалуй бы, и цѣлыхъ двѣ тысячки записалъ, а двѣ тысячки ему однихъ процентовъ принесутъ въ мѣсяць сто рублей, если не больше. Уйдя въ эти мысли, онъ забылъ о женщинѣ съ ребенкомъ, такъ что ему даже непріятно было, когда она заговорила съ нимъ сама.

— Покойному мужу долженъ «онъ» быть. Все ладился отдать, — только на это я и надѣялась.

— Такъ-съ... «Дура-баба», — думалъ онъ про себя. — Дома навѣться не могла — сюда пришла.

— Бралъ деньги-то — на образа крестился. А теперь: «ступай, говорить, никакихъ твоихъ полутора ста рублей я не знаю».

— Это вѣрно, — одобрилъ Корней Савичъ. — Ежели безъ документа,

— Какой еще документъ, коли онъ на Ивана Крестителя зарокъ далъ: «коли-де не заплачу — такъ разрази меня ангелъ мой Іоаннъ!» — и въ землю кланялся.

— Съ иконой, матушка, въ судъ не пойдешь. Да, поди, съ него и взыскать нельзя.

— Какъ нельзя? — вспыхнула женщина. — Помилуйте, за комнату съ небелью платитъ тридцать рублей, платье на емъ сѣрое съ клѣткой, а въ шкапу видѣла я сама еще двѣ пары висять: одна посвѣтлѣй, а другая-то — потемнѣй будетъ, съ полосками. Однѣхъ панталонъ...

— За собственную глупость, значить, и страдаете. Ну, что тамъ у васъ? Некогда мнѣ ваши дѣла разбирать-то...

Женщина головнымъ платкомъ вытерла глаза, при чемъ онъ сбился у нея на сторону и прядь волосъ упала на лобъ, потомъ она вздохнула и подошла къ стойкѣ.

— Видно, пропадать, значить, такъ съ него и не получу ничего.

— Должно-быть, что такъ... Кто себѣ врагъ, чтобы безъ документу отдавать?

— А Іоаннъ Креститель?

— Казите, что у васъ еще? — сурово обрвалъ Корней Савичъ. — Мнѣ съ вашими глупостями не до утра стоять-то здѣсь.

Женщина была лѣтъ двадцати восьми — худая и, видимое дѣло, истощенная. Мелкія черты лица заострились, и только глаза на немъ были еще красивы. Она безпомощно смотрѣла имъ на Чуксина, вовсе не желая его разжалобить. Репутація Корнея Савича была извѣстна, и какъ ни глупа оказывалась его кліентка, но и ей такая несообразность не могла притти въ голову. Такъ плакалось, — слезы сами текли, не спрашиваясь у нея. Она опустила руку въ карманъ, и этимъ движеніемъ разбудила ребенка. Тотъ зашевелился, раскрылъ на свѣчу удивленные глазки, поморгаль, поморгаль ими и уставился на огонекъ неподвижно...

Корней Савичъ и на него посмотрѣлъ неодобрительно: еще бы, — самимъ жрать нечего, а они еще дѣтей заводятъ!

— Я ему говорю, — продолжала свое глупая баба, видимо нуждавшаяся въ томъ, чтобы

высказаться, — я ему говорю: «побойтесь вы Бога, у меня ребенокъ», а онъ-то: «у меня можетъ быть у самого дѣтей понасѣяно сколько...» А потомъ меня же вернулъ эдакъ за плечи — и въ двери, и еще ногой толкаетъ...

Чуксинъ и самъ бы съ удовольствіемъ продѣлалъ эту операцію, такъ ему надоѣла она...

— Сейчасъ, сейчасъ! — замѣтила она произведенное ею впечатлѣніе. — Что ужъ... вотъ тутъ все, что у меня осталось.

И она подала Корнею Савичу маленькій бумажный свертокъ.

— Заложить желаете или продать?

— Нѣтъ... заложить. Авось онъ опаматается, — отдастъ. Я и выкуплю. Тоже и я-то молиться Іоанну Крестителю буду, чтобы онъ напужалъ его во снѣ, что ли...

Чуксинъ усмѣхнулся, отдѣлилъ золотое обручальное кольцо и смятый золотой крестикъ отъ серебряной ложки и серебрянаго же браслета съ надписью: «носи и помни»; свѣсилъ то и другое, потомъ принесъ камень, царской водки, потеръ золото о первый и капнулъ водкой, про-

буя — «настоящее ли»... Онъ уже хотѣлъ аккуратно завернуть золото опять, да ребенокъ, передъ глазами котораго весело блеснуло оно подъ огнемъ свѣчи, потянулся къ нему и мягкой влажной рученкой схватился совершенно неожиданно за палець Корнея Савича...

— Что вы младенцевъ-то таскаете зря? — хотѣлъ было разсердиться онъ, да взглянулъ на ребенка.

И личико-то все въ кулачокъ, а на немъ горять, любопытно уставясь на него, черные наивные глазенки, — такіе наивные, что невольно вызываютъ улыбку даже на сухія, въ нитку сведенныя, губы. Брови еще не намѣтились надъ ними, и еще смѣшнѣе глаза эти отъ этого. На головѣ, надъ выпуклымъ лобикомъ, русые волосенки, жидкіе, рѣдкіе... Странно Корнею Савичу, — онъ никогда не всматривался въ дѣтское личико...

— Что оно смотритъ такъ?..

А самъ держитъ свой палець на вѣсу, чтобы не отнять его у дѣтской, по своему плотно охватившей его ручонки. И не знаетъ — обругать

бабу или нѣтъ... Самъ еще не опредѣлилиъ своихъ ощущеній.

— Глупъ еще... Пашутка, оставь дяденьку...
Оставь...

— Дѣвочка?

— Да... шестой мѣсяцъ пошелъ...

— Что это она, губами-то?

А Пашутка вытянула губки трубочкой и тянется ими куда-то, сводя ихъ въ одну точку. Тянулась, тянулась, потомъ вдругъ разомъ раскрыла ихъ и засмѣялась, — да такъ, что самъ Корней Савичъ заинтересовался.

— Ишь... существо тоже... Какія бываютъ еще... Одна у васъ?

— Одна... я и замужемъ-то полтора года была.

— Такъ... сколько же вы желаете?

— Вычитите процентъ вотъ по этой квитанціи, да еще три рубля мнѣ пожалуйста.

— Не могу-съ! — больше по привычкѣ отрѣзалъ Корней Савичъ... — Никакъ не могу-съ... — Да посмотрѣлъ еще разъ на маленькую ручку, крѣпко державшую его палецъ... — Ишь, точно

ниточками перевязана она на всѣхъ суставахъ и ноготки какіе смѣшные!

— Не могу-съ... — уже не такъ рѣшительно заговорилъ Чуксинъ, да разомъ опомнился. «Что это съ нимъ?» отнялъ онъ руку у ребенка... — Полтора рубля, извольте.

— Будьте столь добры! — совсѣмъ упавшимъ голосомъ взмолилась женщина. — Мнѣ просто хоть помирать. Войдите въ мое положеніе.

— Не могу-съ я въ положенія входить. Этакъ и самому съ сумой придется...

И онъ уже равнодушно смотрѣлъ, какъ Пашутка опять стала вытягивать губы трубочкой и моргать на свѣчку.

— Что же мы теперь! — отчаянно воскликнула женщина. — Я полтора должна хозяйкѣ отдать: въ углу здѣсь, въ Кувалдышевомъ домѣ живу.

— Вотъ и отдадите.

— А ѣсть, пить?..

— Извольте два-съ! — и не ожидая съ ея стороны согласія, Чуксинъ швырнулъ вещи въ ящикъ и принялся писать квитанцію.

— Хоть два пятьдесятъ...

Но онъ даже и не отвѣтилъ ей, вынулъ изъ стараго и замасленнаго кожанаго бумажника двѣ рублевки, на свѣтъ ихъ посмотрѣлъ и подалъ женщинѣ.

— Благодарите Бога, что еще процентовъ не вычитаю-сь... Жидъ рядомъ вычелъ бы проценты-то... Сдѣлайте одолженіе.

А самъ соображалъ: вещи вѣрныхъ восемь рублей стоятъ. Процентомъ съ нее за старое рубль двадцать. Дѣло выгодное все-таки.

— Хоть для ребеночка.

— Я на чужихъ дѣтей еще не нажилъ капиталовъ... Идите, идите, мадамъ, запирайтесь мнѣ пора.

Еще разъ въ его глазахъ мелькнуло круглое личико ребенка, съ носомъ въ видѣ цуговочки, — и черезъ минуту Корней Савичъ уже запиралъ свои двери тяжелымъ засовомъ.